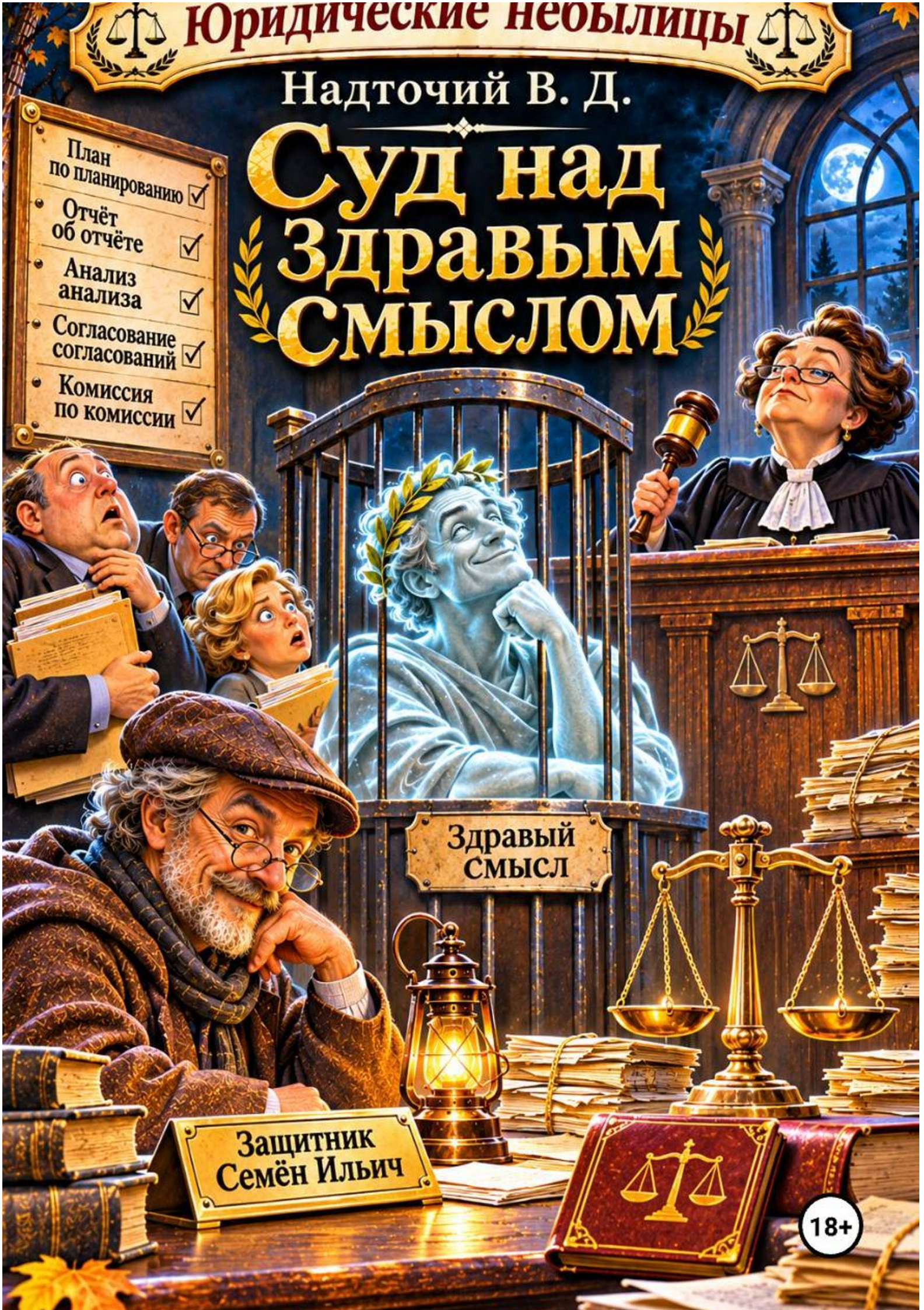
Юридические небылицы

Надточий В. Д.

Суд над Здравым Смыслом



Владислав Надточий

Юридические небылицы. Суд над здравым смыслом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Юридические небылицы. Суд над здравым смыслом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

В Непререкаемске арестовали Здравый Смысл. Обвинение серьёзное: починил дверь поликлиники, сократил количество жалоб и предложил не составлять два одинаковых отчёта. Под угрозой оказалась нормальная работа чиновников!Защищать опасного преступника берётся Семён Ильич — опытный юрист, променявший судебные баталии на работу кладбищенским сторожем. Он надеялся, что хотя бы покойники не станут требовать юридических консультаций.Однако безобидное на первый взгляд дело оборачивается расследованием финансовых махинаций, исчезновения архивных документов и тщательно охраняемых чиновничьих тайн.Свидетели путаются в показаниях, комиссии плодят комиссии, а прокурору предстоит доказать, что решение проблемы представляет общественную опасность.Сможет ли Здравый Смысл выйти на свободу в городе, где его существование противоречит интересам администрации?

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава первая. Повестка 7
Глава вторая. Подземная юрисдикция 17
Глава третья. Временно, но навечно 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Владислав Надточий
Юридические небылицы.
Суд над здравым смыслом

Юридические небылицы
Надточий В. Д.
Суд над здравым смыслом

Пролог

В среду в Непререкаемске впервые за двадцать семь лет не состоялось заседание комиссии по устранению причин несостоявшихся заседаний. Все приглашённые явились вовремя, и обсуждать действительно оказалось нечего.

Председатель комиссии Аркадий Петрович Веретенников посмотрел на часы. До обеда оставалось сорок минут. Отпустить людей он не мог: утверждённый план отводил заседанию два часа.

— Коллеги, у кого есть вопросы?

Никто не отозвался. Из дальнего угла донёсся хруст яблока.

— Тогда перейдём к разному.

— А что у нас в разном? — спросила секретарь.

— Пока ничего. Запишите, что обсуждается.

В зал вошёл начальник юридического отдела. Под мышкой он держал тонкую папку, что само по себе было дурным предзнаменованием.

— У нас неприятность, Аркадий Петрович. За последний месяц количество обращений граждан сократилось на треть.

— Прекрасно. Доложим наверх.

— Уже доложили. Наверху спрашивают, зачем нам прежний штат.

Председатель медленно положил ручку на стол.

— Кто допустил сокращение?

Юрист раскрыл папку. В ней лежали девять служебных записок. Во всех фигурировал один и тот же гражданин.

— Он что, занимает должность?

— Нет.

— Тогда на каком основании решает вопросы?

— Говорит, что некоторые вопросы можно решить без должности.

Веретенников попросил секретаря выйти за чаем. Когда дверь закрылась, он придвинул к себе папку. Последняя записка интересовала его гораздо больше остальных. Гражданин обнаружил в городском архиве документ, который по неизвестной причине не включили ни в один из действующих реестров.

— Он успел прочитать?

— Полагаю, да.

— А копия?

— Не нашли.

Председатель подошёл к окну. Внизу дворник сметал листья с крыльца учреждения. Веретенников посмотрел на него, затем вернулся к столу.

— Передайте материалы прокурору. И выясните, кому он мог отдать копию.

К вечеру гражданина задержали. При оформлении протокола возникла заминка: в графе «Фамилия, имя» он написал два слова, которые дежурный привык видеть исключительно в учебниках.

Дежурный позвонил начальству.

— Тут у нас Здравый Смысл. Как его оформлять?

— В общем порядке.

— А отчество?

— Не усложняйте.

Так в Непререкаемске началось дело номер семьсот четырнадцать.

Глава первая. Повестка

В четверг Семён Ильич собирался чинить калитку. К пятнице ему предстояло защищать Здравый Смысл в суде. Знай он об этом заранее, починил бы калитку снаружи и ушёл.

До выхода на пенсию Семён Ильич много лет работал юристом: составлял договоры, защищал людей в судах и объяснял начальникам, почему их распоряжения не всегда имеют силу закона. От постоянных тяжб он устал, но права заниматься юридической практикой не утратил. Удостоверение защитника лежало дома вместе с дипломом и старыми судебными решениями.

Когда в городском хозяйстве освободилось место кладбищенского сторожа, Семён Ильич согласился. Жалованье было скромное, зато никто из постоянных обитателей кладбища не звонил ему по воскресеньям с просьбой срочно посмотреть договор.

Впрочем, от юридических привычек он так и не избавился. Даже садовнику Егору выдавал ключи под расписку, пока тот однажды не потребовал составить акт приёма сирени после полива. С тех пор они обходились устной договорённостью.

Почтальон появился около девяти. Он долго сверял номер на конверте с табличкой у входа на кладбище, потом позвонил в колокольчик.

— Семён Ильич здесь проживает?

— Работаю. Проживают у нас преимущественно бессрочно.

— Распишитесь.

— За что?

— За получение.

— А что получаю?

Почтальон вздохнул. За двадцать лет службы он привык к людям, которые сначала расписывались, а потом задавали вопросы. Юристы портили ему статистику.

В конверте лежала повестка. Суд города Непререкаемска вызывал Семёна Ильича для участия в деле о нарушении установленного порядка принятия решений. В графе «процессуальное положение» стояло: «Уточняется».

— Егор! — крикнул сторож. — У тебя есть знакомые в суде?

Садовник высунулся из-за куста сирени.

— Есть. Но они теперь там не работают.

— Почему?

— Я же на кладбище работаю, Семён Ильич. Какие у меня могут быть знакомые?

Сторож перевернул повестку. На обороте мелким шрифтом сообщалось, что неявка без уважительных причин может повлечь последствия, предусмотренные законодательством. Каким именно законодательством, составитель предусмотрительно не уточнил.

Внизу от руки было приписано: «Приходите. Мне больше не к кому обратиться. З. С.»

Семён Ильич знал немало людей с такими инициалами. Один задолжал ему за консультацию, другой оплатил совет, а потом потребовал вернуть деньги: совет оказался правильным, и воспользоваться им не пришлось.

Он положил повестку в карман, зашёл домой за удостоверением защитника и отправился в город. На всякий случай захватил очки: в судебных бумагах самое неприятное обычно печатали мелким шрифтом.

У здания суда стояла женщина с хозяйственной сумкой. Из сумки торчала ручка зонтика и длинный рулон бумаги.

— Вы последний? — спросила она.

— Смотря в чём.

— В очереди на вход.

— Тогда последний.

— А я первая. Со вчерашнего дня. Просто охранник каждый раз меняется, и приходится начинать сначала.

Охранник потребовал предъявить документ, удостоверяющий личность. Семён Ильич предъявил паспорт.

— Цель посещения?

— Судебное заседание.

— Документ, подтверждающий цель?

Семён Ильич показал повестку.

— Здесь не указано, в качестве кого вы вызваны.

— Вот и хочу выяснить.

— Выяснять надо в канцелярии.

— Пропустите в канцелярию.

— Для этого нужна цель посещения.

Женщина с сумкой сочувственно покачала головой.

— Я вчера на этом месте до обеда стояла.

Семён Ильич достал блокнот.

— Как вас зовут, молодой человек?

Охранник перевёл взгляд с блокнота на очередь. В его обязанности входила проверка документов, а не участие в чужих жалобах.

— Проходите. Только ничего не выясняйте у меня.

В канцелярии пахло свежей краской и разогретым обедом. За стеклом сидела девушка, которая одновременно отвечала на телефонный звонок, искала папку и пыталась открыть йогурт.

— Дело номер семьсот четырнадцать, — сказал Семён Ильич.

Девушка перестала бороться с крышечкой.

— А, это вы. Вас ждут в третьем зале. Только сначала зайдите к обвиняемому.

— Кто обвиняемый?

Она оглянулась на дверь начальника.

— Здравый Смысл.

— Фамилия такая?

— Нет. Он сам.

В комнате для свиданий сидел невысокий мужчина в сером пиджаке. Перед ним стоял стакан воды. Мужчина подвинул второй стул к столу, чтобы посетителю было удобнее сесть.

— Не трогайте мебель! — предупредил конвоир.

— Простите, — сказал мужчина. — По привычке.

Семён Ильич снял кепку.

— Так это вы мне написали?

— Я. Мне сказали, что вы умеете читать документы до конца.

— Бывает. За дополнительную плату.

— Денег у меня нет.

— А родственники?

— Рассудительность. Но мы давно не виделись.

Семён Ильич сел. Обвиняемый выглядел самым обычным человеком. За годы юридической практики он привык к тому, что самые невероятные дела начинаются с вполне житейских обстоятельств.

— Рассказывайте. Что натворили?

— Починил дверь.

— Чужую?

— Общую. В поликлинике. Она не открывалась, а за ней принимал врач. Я подтянул два винта.

— И?

— Оказалось, на ремонт уже выделили деньги. Подрядчик должен был приступить к работам через три недели.

— Понятно. Вы лишили подрядчика возможности исполнить обязательство.

— Но дверь открывается.

— Это мы пока оставим между нами.

Обвиняемый вынул из кармана сложенный листок. На нём были перечислены ещё восемь эпизодов. Семён Ильич прочёл первый, второй, третий и остановился на четвёртом.

— Вы действительно предложили объединить два одинаковых отчёта?

— Да.

— При начальнике отдела?

— При всех.

Сторож откинулся на спинку стула.

— Ну что ж. Лёгкой прогулки не обещаю.

За дверью послышались шаги. Конвоир объявил, что время свидания истекло. Семён Ильич поднялся, забрал листок и спросил:

— Почему выбрали меня?

— Потому что вы уже знаете, куда отправляют ненужные правовые институты. Я боюсь, что мне готовят место рядом с ними.

На этот раз Семён Ильич не пошутил.

В третьем зале Семёна Ильича встретил прокурор с таким молодым лицом, что сторожу захотелось спросить, разрешила ли ему мама выступать в прениях.

— Старший советник юстиции Круглов, — представился прокурор.

— Семён Ильич. Младший сторож кладбища. Старшего у нас нет, но надеюсь на повышение.

Круглов не улыбнулся. Он предложил ознакомиться с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого. Семён Ильич предъявил удостоверение, оформил вступление в дело и попросил экземпляр постановления для подзащитного.

— Ему вручали.

— Когда?

— Вчера.

— Здесь сегодняшняя дата.

Прокурор забрал бумагу, сверил дату и позвал секретаря. Через несколько минут выяснилось, что накануне обвиняемому вручили проект постановления, а окончательную редакцию утвердили только сегодня.

— И чем они отличаются?

— Квалификацией.

— Пустяки, — согласился Семён Ильич. — Примерно как диагноз и причина смерти.

Согласно постановлению, Здравый Смысл обвинялся в умышленном нарушении установленного порядка функционирования муниципальных учреждений. Следствие усматривало в его действиях признаки преступления, предусмотренного статьёй 214 местного Уложения об административной устойчивости.

— Покажите мне само Уложение.

Круглов протянул ему зелёную книгу. На внутренней стороне обложки был приклеен листок с поправками. На листке имелась ссылка на приложение, а приложение лежало в отдельной папке.

— Молодой человек, а целиком этот закон когда-нибудь собирали?

— Ведётся работа по систематизации.

— Скажите систематизаторам, что у них из книги уже выпал человек.

Статья 214 занимала четыре строки. Она запрещала самовольно устранять обстоятельства, которые должен рассматривать уполномоченный орган, если такие действия существенно нарушали работу учреждения.

— Какое именно нарушение повлекла починка двери?

— Неисполнение плана ремонтных мероприятий.

— Дверь после ремонта работает?

— Это установит экспертиза.

— А до ремонта?

— Не работала. Имеется акт.

— Замечательно. Хоть в чём-то мы сошлись.

Круглов достал смету. На восстановление двери поликлиники выделили восемьдесят четыре тысячи условных рублей. В сумму входили обследование, разработка технического задания, демонтаж, монтаж и контроль качества. Отдельной строкой значилось обеспечение доступа к объекту.

— Доступ к двери? — уточнил Семён Ильич.

— Да.

— Она на первом этаже?

— Да.

— Надеюсь, за эти деньги хотя бы откроют.

Прокурор объяснил, что договор с подрядчиком уже заключён. После вмешательства обвиняемого возникла необходимость пересмотреть объём работ. Это потребовало дополнительного совещания, на котором присутствовали семь должностных лиц.

— Вы хотите взыскать с моего подзащитного стоимость их рабочего времени?

— Пока рассматривается вопрос об ущербе.

— Тогда вычтите стоимость двух винтов. Они остались на месте.

Семён Ильич перевернул страницу. Второй эпизод касался остановки автобуса. Здравый Смысл предложил перенести расписание с задней стенки павильона на переднюю, чтобы пассажиры могли читать его, не выходя на проезжую часть. В результате снизилось количество жалоб на отсутствие информации.

— И здесь ущерб?

— Отдел мониторинга не выполнил прогноз по обращениям.

— А если бы автобус вообще перестал ходить, отдел получил бы премию?

Круглов не ответил.

— Не надо доводить до абсурда.

— Я только знакомлюсь с материалами. До меня уже довели.

На последнем листе постановления Семён Ильич обнаружил ссылку на девятый эпизод. Описание занимало одну строку: «Неправомерное ознакомление с документом ограниченного обращения».

— Где этот документ?

— В отдельном производстве.

— Тогда почему эпизод включён в это обвинение?

Прокурор снял очки. Без них он выглядел ещё моложе.

— Семён Ильич, вам лучше сосредоточиться на двери. Там вполне можно договориться.

— С дверью я уже договорился. Она открывается. Теперь хотелось бы договориться с вами о предоставлении материалов.

В зал вошла секретарь и сообщила, что судья готова начать заседание. Круглов собрал бумаги быстрее, чем требовалось. Один лист остался под зелёной книгой. Семён Ильич указал на него.

— Ваше.

Прокурор выхватил лист. Сторож успел заметить номер архивного дела и фамилию Веретенникова.

В коридоре Здравый Смысл стоял между двумя конвоирами. У одного развязался шнурок. Обвиняемый посмотрел вниз, открыл рот, но вовремя передумал.

— Учитесь, — одобрил Семён Ильич. — Уже заметен воспитательный эффект уголовного преследования.

— Что там написано?

— Пока ничего, за что следовало бы лишать человека свободы. Но есть кое-что, за что некоторые люди, похоже, готовы лишить свободы вас.

Дверь зала открылась. Секретарь пригласила участников процесса. На стене над судейским креслом висели часы. Они отставали на двадцать минут.

Здравый Смысл посмотрел на часы и опустил глаза.

Семён Ильич взял его под локоть.

— Ради всего святого, не вздумайте их поправлять.

Судья Маргарита Львовна Бессонова вошла в зал с чашкой чая. На блюдце лежал кусочек лимона, предусмотрительно прикрытый секретарём салфеткой. Семён Ильич помнил Маргариту Львовну ещё помощником судьи. Тогда она умела находить в деле недостающие документы. Теперь ей приходилось объяснять, почему без них можно обойтись.

— Рассматривается ходатайство о заключении под стражу. Установим личность обвиняемого. Год рождения?

— Точно не помню. Я появился раньше письменности.

Секретарь подняла руку над клавиатурой.

— Маргарита Львовна, у меня поле обязательное.

— Оставьте пока пустым.

— Оно не оставляется.

— Тогда записывайте ответ в протокол вручную.

Секретарь достала тетрадь. Электронное правосудие на этом закончилось.

Прокурор Круглов огласил ходатайство. По мнению следствия, обвиняемый мог продолжить противоправную деятельность, повлиять на свидетелей и помешать нормальной работе городских учреждений.

— Каким образом он намерен влиять на свидетелей? — спросила судья.

— Путём убеждения.

— Угрожал кому-нибудь?

— Нет. Но свидетели склонны соглашаться с его доводами.

Семён Ильич поднялся.

— Прошу приобщить к делу признание стороны обвинения. За сорок лет практики впервые слышу, чтобы прокурор сам подтвердил убедительность позиции защиты.

Маргарита Львовна спрятала улыбку за чашкой.

— Круглов, конкретнее. Кто из свидетелей подвергся воздействию?

Прокурор вызвал представителя поликлиники. К кафедре подошёл плотный мужчина с портфелем. Он представился заместителем главного врача по хозяйственной части.

— Дверь, — начал он, — находилась в состоянии, требующем принятия мер.

— А сейчас? — спросил Семён Ильич.

— Сейчас она находится в состоянии, требующем пересмотра принятых мер.

— Вы пробовали через неё пройти?

— Лично я пользуюсь другим входом.

— А больные?

— Больные пользуются этим.

— Жалобы поступали после ремонта?

— Нет.

— До ремонта?

— Тридцать две.

— Значит, тридцать два человека перестали жаловаться?

— Мы не можем этого утверждать. Возможно, они стали обращаться в другую поликлинику.

— Проверяли?

— Нет. У нас нет полномочий проверять чужих больных.

Семён Ильич сел. Свидетель с облегчением закрыл портфель, но судья остановила его.

— Подождите. Сколько стоила починка?

— Согласно смете, восемьдесят четыре тысячи.

— Я спрашиваю о фактических расходах.

— Фактические расходы ещё предстоит определить.

— На что?

— На определение фактических расходов.

Маргарита Львовна отложила ручку.

— Свидетель свободен.

Выходя, заместитель главного врача не сразу справился с дверью зала: потянул её на себя, хотя на табличке было написано «От себя». Здравый Смысл заёрзал на скамье. Семён Ильич покачал головой, призывая его к терпению.

Следующим документом оказалось заключение специалиста по оценке рисков. Специалист считал, что освобождение обвиняемого может повлечь непредсказуемое изменение количества административных процедур.

— А предсказуемое изменение допускается? — поинтересовалась судья.

Круглов перелистнул заключение.

— Такой вопрос перед специалистом не ставился.

— Кто он по образованию?

— Экономист.

— Работает где?

— В центре прогнозирования административных рисков.

— На какие средства существует центр?

— На бюджетные.

Защитник поднялся.

— Уважаемый суд, предлагаю не путать опасность для общества с опасностью для штатного расписания. Мой подзащитный не обязан снабжать центр прогнозирования новыми рисками до выхода его сотрудников на пенсию.

С задней скамьи донёсся смешок. Судья посмотрела в зал. Там сидела знакомая Семёну Ильичу женщина с хозяйственной сумкой. Она наконец дождалась заседания и держала на коленях свой рулон.

— Гражданка, соблюдайте порядок.

— Простите. Я по своему делу пришла, а тут про моё тоже говорят.

Круглов попросил удалить постороннюю. Судья отказала: заседание было открытым.

— У защиты имеются документы о месте проживания обвиняемого?

Семён Ильич повернулся к подзащитному.

— Где вы живёте?

— У людей. Иногда пускают.

— Постоянный адрес?

— Последние две недели ночевал у архивариуса.

Прокурор резко поднял голову.

— Назовите фамилию.

— Лебедев.

Круглов написал записку и передал её сотруднику, сидевшему у выхода. Тот немедленно покинул зал.

Семён Ильич проводил его взглядом. Теперь он знал, какой вопрос не следовало задавать при прокуроре.

— Уважаемый суд, готов предоставить подзащитному комнату при сторожке. Адрес подтверждён, обязательство о явке представим.

— На кладбище? — уточнил Круглов.

— Да. Место спокойное. Соседи жалоб не подают.

Судья объявила перерыв для вынесения решения. В коридоре женщина с сумкой догнала Семёна Ильича и развернула свой рулон. Это оказался план городского квартала.

— Вы адвокат? Посмотрите, пожалуйста. Вот мой дом, а вот дорога, которую нам обещают построить девятый год.

— И что с ней?

— Дорогу построили ещё при моём муже. Теперь требуют согласие жильцов на строительство. Муж умер, а дорога стоит. Без его подписи начать работы не могут.

Семён Ильич взглянул на план. В нижнем углу стояла подпись председателя комиссии Веретенникова.

— Как вас зовут?

— Анна Степановна.

— Сверните пока бумагу, Анна Степановна. И оставьте мне телефон.

Когда участников пригласили обратно, Круглов уже не сидел за своим столом. Он говорил по телефону у окна. Увидев защитника, прокурор оборвал разговор на полуслове.

Судья отказала в заключении под стражу. Обвиняемому надлежало являться по вызовам и не препятствовать расследованию. Семён Ильич попросил выдать копию постановления, не дожидаясь окончания рабочего дня.

— Сегодня получите, — сказала Маргарита Львовна.

Круглов собрал документы и проверил, не осталось ли чего на столе.

На улице Здравый Смысл глубоко вдохнул и расстегнул пиджак.

— Спасибо. Теперь надо предупредить Лебедева.

— Уже надо было, — ответил Семён Ильич. — Где архив?

— За ратушей.

Они успели пройти половину площади, когда из переулка выехала машина с надписью «Муниципальный архив». На заднем сиденье Семён Ильич узнал сотрудника, которому Круглов передал записку.

Здравый Смысл остановился.

— Лебедев сегодня должен был передать мне одну вещь.

— Какую?

— Ключ.

— От архива?

— Нет. От вашей сторожки.

— У моей сторожки один ключ, — сказал Семён Ильич. — И тот я постоянно ищу.

— Лебедев уверял, что есть второй.

— Откуда он знает мою сторожку?

— Раньше там хранились документы городской управы.

Семён Ильич вспомнил железный шкаф, который Егор уже третий год предлагал сдать на металлолом. Шкаф считался пустым, хотя в нём хранились три банки краски и мышеловка. Впрочем, в муниципальной собственности даже пустой шкаф мог иметь богатое прошлое и дорогостоящее будущее.

Архив занимал бывший купеческий особняк. Над входом сохранились каменные львы; недавно им покрасили морды серебряной краской. На двери висело объявление: «В связи с переходом на электронный документооборот приём письменных заявлений осуществляется по вторникам».

Был четверг.

Семён Ильич нажал ручку. Дверь открылась.

За стойкой сидела пожилая женщина и вязала носок. Второй, готовый, лежал на журнале регистрации посетителей.

— Нам бы Лебедева.

— А вы ему кто?

— Пока никто. Надеюсь, не наследники.

Женщина отложила вязание.

— Николая Андреевича вызвали в управление. С утра тут ходят какие-то люди. Один требовал опись документов, которых у нас нет.

— И что вы ему дали?

— Опись. У нас хорошая опись отсутствующих документов. Даже лучше, чем имеющихся.

Здравый Смысл подошёл к стойке.

— Вера Павловна, он оставлял для меня конверт?

Архивистка узнала его и нахмурилась.

— Вы бы, молодой человек, хоть неделю сюда не ходили. Мне вчера объяснительную пришлось писать. Сорок лет работаю, впервые объясняла, почему посетитель прочитал выданную ему книгу.

— Что написали?

— Что не сумела своевременно воспрепятствовать чтению. Начальник остался доволен.

Семён Ильич представился и показал удостоверение. Вера Павловна достала из ящика очки, внимательно изучила документ и вернула его.

— Адвокат? Тогда вам в читальный зал. Только сумку оставьте здесь.

— У меня нет сумки.

— Тогда распишитесь, что не оставили.

В журнале действительно имелась графа для вещей, не сданных на хранение. Семён Ильич поставил прочерк. Архивистка потребовала расписаться рядом. Он выполнил и это условие, после чего она наконец пропустила их.

В читальном зале пахло бумагой, пылью и яблоками. На подоконнике стояла чашка с недопитым чаем. Здравый Смысл указал на дальний стол, за которым они с Лебедевым работали накануне.

— Здесь мы сидели с Николаем Андреевичем. Он разбирал старые постановления. Я помогал читать рукописные пометки.

— Что за постановление вы нашли?

— Не постановление. Протокол заседания городской думы. Самое первое заседание после учреждения города.

— И что в нём такого?

— Там определили, для чего вообще существуют городские учреждения.

— Смелые были люди.

— А ещё установили порядок прекращения их деятельности.

Семён Ильич перестал улыбаться.

Вера Павловна принесла каталог. Нужная карточка отсутствовала. Между двумя пожелтевшими листками остался чистый промежуток.

— Вчера была, — сказала она. — Я сама по ней дело выдавала.

— Кто сегодня работал с каталогом?

— Проверяющие. Сказали, что проводят инвентаризацию.

— Уже обнаружили недостачу?

— Пока создают.

Архивистка вынула из кармана фартука маленький блокнот. В нём она записывала номера дел, выданных посетителям. Делала это по старой привычке: электронная система часто зависала, зато объяснительные принимали только на бумаге.

Семён Ильич переписал номер. Он совпадал с номером, который защитник успел заметить на листе у прокурора.

— Можно получить заверенную копию протокола?

— Если дело на месте.

Они спустились в хранилище. Вера Павловна долго возилась с замком. На полке между двумя толстыми папками лежал листок с надписью «Изъято».

— Кем? — спросил Семён Ильич.

— Не указано.

— Когда?

— Тоже.

— На каком основании?

Архивистка перевернула листок.

— Основание, видимо, с другой стороны забыли написать.

— Давайте составим акт об отсутствии дела, — предложил Семён Ильич. Вера Павловна согласилась, но предупредила: подписать акт должен заведующий хранилищем.

— Лебедев?

— Он самый.

Из коридора донёсся звонок телефона. Архивистка ушла отвечать. Вернулась она без блокнота и с таким лицом, будто только что узнала о смерти близкого человека.

— Николая Андреевича отстранили от работы. Мне велено опечатать его кабинет.

— За что?

— За нарушение правил хранения. Подробности не сообщают.

Здравый Смысл направился к лестнице. Семён Ильич удержал его за рукав.

— Не спешите. Мы только что получили первое полезное доказательство. Вернее, доказательство того, что кто-то очень старается не оставить нам доказательств.

— Какое?

— До нашего прихода документ был настолько неважным, что его никто не регистрировал. Теперь из-за него отстраняют архивариуса. Хотелось бы знать, что произошло за сутки с его важностью.

Вера Павловна отвела их в сторону.

— Николай Андреевич вчера просил передать вам это, если сам не сможет.

Она протянула Здравому Смыслу конверт. Внутри лежал длинный ключ с круглой головкой и картонная бирка. На бирке чернилами было выведено: «Помещение № 6».

Семён Ильич повертел ключ в пальцах.

— От моей двери он точно не подходит. У нас замок современный. Купили в девяносто восьмом году.

— А шестое помещение у вас есть? — спросила архивистка.

— У меня одна комната, кухня и сарай. Если считать удобства во дворе, всё равно не набирается.

Вера Павловна задумалась и достала с верхней полки альбом старых планов. На плане кладбища, составленном задолго до рождения Семёна Ильича, сторожка была обозначена как архивный павильон. Под ней находилось подвальное помещение с отдельным входом.

— Вот ваша шестёрка.

Сторож наклонился над чертежом. Отдельный вход в подвал располагался как раз там, где Егор каждую весну высаживал георгины.

— Придётся огорчить садовника.

На выходе их встретил человек в тёмном пальто. Он предъявил удостоверение сотрудника управления внутреннего контроля и попросил задержаться для беседы.

— По какому вопросу? — спросил Семён Ильич.

— По вопросу посещения архива.

— Мы его уже посетили. Результат положительный: вышли самостоятельно.

Человек не оценил шутку. Он хотел знать, какие документы они получили.

— Никаких, — ответил Семён Ильич. — Ваши коллеги оказались расторопнее.

— А содержимое карманов можете показать?

— Могу. Но сначала покажите основание для досмотра.

Сотрудник посмотрел на Здравый Смысл, потом на архивистку. Вера Павловна неожиданно громко спросила, будет ли он сдавать пальто. Человек отказался. Она раскрыла журнал и попросила расписаться за несданную вещь.

Пока он выяснял, зачем это нужно, Семён Ильич и его подзащитный вышли на улицу.

У ратуши рабочие устанавливали праздничный плакат: «Двести лет служения горожанам». Под плакатом Веретенников давал интервью местному телевидению. Он говорил о преемственности традиций и бережном отношении к историческому наследию.

Семён Ильич остановился послушать.

— Двести лет, — повторил он. — Значит, скоро юбилей. А у нас как раз пропал документ о начале этого служения.

Здравый Смысл достал телефон. Лебедев не отвечал. Тогда он набрал домашний номер архивариуса. Трубку взяла незнакомая женщина.

— Николай Андреевич дома?

— Нет. А кто спрашивает?

— Друг.

Женщина помолчала.

— Если друг, не звоните сюда больше. Он просил передать, что всё необходимое уже у вас.

Связь оборвалась.

Семён Ильич убрал ключ во внутренний карман и направился к автобусной остановке. До кладбища было двадцать минут езды. Он надеялся застать Егора до того, как тот закончит поливать георгины. Предстояло сообщить садовнику, что его клумба временно приобрела статус объекта археологического наследия.

Глава вторая. Подземная юрисдикция

Егор встретил их с лейкой в руке и новостями, которые явно не сулили ничего хорошего. Пока Семён Ильич отсутствовал, на кладбище приезжали представители управления муниципального имущества.

— Хотели провести инвентаризацию, — сообщил садовник.

— Чего?

— Всего, — пояснил Егор. — Я спросил, включать ли в опись покойников. Ответили, что методику ещё уточняют.

Семён Ильич разложил на кухонном столе перерисованный план. Егор долго изучал чертёж, переводя палец от сторожки к сараю.

— Это вы мне предлагаете выкопать георгины?

— Временно.

— Так и покойникам говорили, когда водопровод прокладывали.

Здравый Смысл вызвался помочь. Егор вручил ему лопату, а Семёну Ильичу велел не мешать. Сторож возмутился, но садовник напомнил, что последняя юридическая помощь при посадке яблони закончилась спором о принадлежности корневой системы.

Под слоем земли обнаружилась каменная ступенька, за ней — вторая. Егор принёс щётку и очистил железное кольцо в крышке люка. Ключ повернулся с таким скрежетом, что на соседней берёзе проснулась ворона.

— Вот, — сказал Егор. — Двести лет никто не открывал, а замок работает. Только не сообщайте в отдел закупок: немедленно потребуют заменить.

Семён Ильич включил фонарь и первым спустился вниз. Подвал оказался сухим. Вдоль стен стояли пустые стеллажи, на полу лежала опрокинутая табуретка. В дальнем углу темнел деревянный шкаф со стеклянной дверцей.

На шкафу висела табличка: «Документы, не подлежащие уничтожению».

— Место подходящее, — заметил сверху Егор. — У нас вообще мало что подлежит уничтожению. Даже долг за ограду переходит по наследству.

В шкафу нашлись три папки и жестяная коробка из-под печенья. В первой лежали старые ведомости расходов на городские фонари, во второй — переписка о строительстве мостовой. В третьей хранились акты передачи документов.

Здравый Смысл достал последний акт и поднёс его к фонарю.

— Смотрите. Протокол учредительного собрания передан на постоянное хранение. Но в акте указаны два экземпляра.

— Значит, один пропал, — сказал Семён Ильич. — А второй пока числится на месте.

Коробка оказалась пустой. На дне лежала фотография городского совета, сделанная несколько десятилетий назад. Среди людей в костюмах стоял молодой Николай Андреевич Лебедев. На обороте было написано: «Перед передачей фонда. Сверку произвели».

Семён Ильич записал, где нашёл фотографию, и убрал её в блокнот. Остальные бумаги решил пока не трогать. Не хватало ещё, чтобы защита по делу о незаконном ознакомлении сама получила обвинение за ознакомление с чужими документами.

Наверху хлопнула калитка.

— Хозяева! — раздался голос. — Представители собственника!

Егор выглянул из-за кустов.

— Какого именно? У нас тут участков много.

На дорожке стояли двое мужчин и женщина с планшетом. Старший предъявил распоряжение о проверке использования муниципального имущества. Женщина тем временем направилась к сторожке и принялась фотографировать водосточную трубу.

— Что вы ищете? — спросил Семён Ильич, вылезая из люка.

— Неучтённые объекты недвижимости.

— У нас их несколько тысяч. На каждом — фамилия и две даты.

— Речь о строениях.

— Тогда начните с управления. Оно, говорят, построено на обещаниях. Интересно, как их поставили на баланс.

Старший проверяющий попросил не препятствовать работе комиссии. Увидев открытый люк, он оживился.

— А это что?

— Вход.

— Куда?

— В помещение.

— Почему не зарегистрировано?

— Вы собственник, вам виднее.

Женщина присела у ступеньки и внесла сведения в электронную форму. Через минуту она сообщила, что программа требует указать этажность объекта.

— Минус один, — подсказал Здравый Смысл.

— Отрицательное значение не принимает.

— Тогда ноль.

— Ноль тоже не принимает.

— Пишите один, — распорядился старший.

— Но он под землёй!

— Программа не спрашивает, где он. Она спрашивает, сколько этажей.

Семён Ильич попросил внести этот разговор в акт. Проверяющий ответил, что акт составляется по результатам осмотра, а не беседы.

— Прекрасно. Тогда осмотрите сначала, а этажи придумаете потом.

Второй мужчина достал рулон красной ленты и предложил опечатать вход. Семён Ильич попросил предъявить решение, опись имущества внутри и сведения о лице, ответственном за его сохранность.

— Мы не обязаны проводить опись, — сказал мужчина.

— А если завтра оттуда исчезнет золотой сервиз?

— Какой сервиз?

— Вот именно. Без описи нам обоим потом придётся выяснять, существовал ли сервиз до опечатывания.

Проверяющие отошли к калитке на совещание. Егор воспользовался паузой и принёс из кухни четыре чашки чая. Четвёртую поставил перед женщиной с планшетом. Она оказалась единственной, кто поблагодарил.

— У вас начальник всегда такой? — спросил садовник.

— Сегодня ещё добрый. Ему обещали премию за выявленные нарушения.

— А если не выявит?

— Значит, плохо проверял.

Егор задумался.

Егор задумался. — Мне бы такую работу. Поливал бы цветы за оклад, а за каждый засохший получал премию.

Через полчаса комиссия уехала, оставив уведомление о повторном осмотре. Семён Ильич сфотографировал документы и закрыл люк. Егор прикрыл его досками, чтобы кто-нибудь случайно не провалился.

Вечером сторож позвонил Вере Павловне. Та выслушала описание находки и попросила прочитать дату акта передачи.

— Двадцать третье мая, — прочёл он.

— А год?

Он назвал год. На другом конце провода стало тихо.

— Семён Ильич, это невозможно. По официальной описи фонд поступил на хранение только в июне следующего года.

— Может, ошиблись при составлении описи?

— Возможно. Но опись составлял Веретенников. Тогда он ещё работал в архиве.

Семён Ильич снова посмотрел на фотографию. Рядом с молодым Лебедевым стоял высокий худой человек с папкой под мышкой. Теперь сторож узнал его.

— Вера Павловна, а кто принимал документы по акту?

— Посмотрите подпись внизу.

Подпись разобрать было трудно. Зато ниже машинописным текстом стояла фамилия. Веретенников.

Егор заглянул через плечо сторожа.

— Ну что, нашли покойника?

— Хуже, Егор. Нашли председателя, который всё ещё при должности.

Семён Ильич снова набрал номер Лебедева. Телефон был выключен. Сторож положил рядом с фотографией повестку по делу номер семьсот четырнадцать. Завтра предстояло искать и протокол, и человека, который мог объяснить его исчезновение.

Лебедев жил над магазином дверных замков. Семён Ильич счёл адрес подходящим: человеку, которому предстояло давать показания против председателя городской комиссии, следовало держаться поближе к тому, что хотя бы иногда открывается.

Дверь открыла соседка в халате. В одной руке она держала половник, в другой — дверную ручку. Судя по выражению лица, половник был убедительнее.

— Николай Андреевич? Его вчера увезли.

— В больницу?

— С вещами.

— В таком случае уточню вопрос. Добровольно?

— Сам чемодан нёс. А двое молодых людей несли его пальто. Очень вежливые. Даже лифт придержали.

Соседка поставила половник на подоконник и достала из кармана записку. Лебедев просил передать её человеку с кладбища. Семён Ильич развернул листок. Там значились адрес пансионата «Тихий берег» и номер комнаты. Почерк был торопливый, но разборчивый: видимо, автор ещё надеялся, что его записку не отправят на согласование.

— А вы почему решили, что это я?

— Другие с кладбища обычно не приходят.

До пансионата пришлось добираться автобусом. Расписание на остановке висело теперь снаружи, на самом удобном месте. Под ним красовалось объявление о проведении исследования доступности транспортной информации. Две девушки с анкетами спрашивали пассажиров, насколько трудно им найти расписание.

— А если легко? — спросил Семён Ильич.

— Тогда переходите сразу к девятому вопросу.

— Что там?

— Какие меры необходимо принять для устранения затруднений?

Сторож посоветовал девушкам сесть в автобус. За одну поездку они могли бы опросить пассажиров и не мешать людям на остановке. Девушки записали предложение в раздел замечаний, не относящихся к предмету исследования. Семён Ильич подумал, что это, вероятно, самый востребованный раздел в городской администрации.

Пансионат располагался в бывшем доме отдыха. За стойкой сидел администратор в жилете с вышитым лебедем. Лебедь выглядел заметно свободнее самого администратора.

— К Лебедеву, — сказал Семён Ильич.

— Посещения ограничены.

— Чем?

— Внутренним распорядком.

— А выходить ему можно?

— Конечно. У нас не тюрьма.

— Тогда пригласите его сюда.

Администратор позвонил на второй этаж. Разговор был коротким, но после него молодой человек перестал смотреть посетителю в глаза.

— Николай Андреевич отдыхает.

— Разбудите.

— У нас индивидуальный подход к каждому отдыхающему.

— Вот и подойдите индивидуально. К Николаю Андреевичу.

Из служебной комнаты вышла женщина с бейджем директора. Она предложила Семёну Ильичу заполнить заявление на посещение. В заявлении требовалось указать степень родства, цель визита и предполагаемую продолжительность беседы.

— Я адвокат.

— Родственник по линии адвокатуры?

— По линии уголовного процесса.

Директор прочитала удостоверение и попросила подождать. Через стеклянную дверь Семён Ильич увидел Лебедева. Тот шёл по коридору в домашних тапочках, прижимая к груди газету. Увидев посетителя, он ускорил шаг.

— Наконец-то! А то меня здесь уже трижды приглашали на оздоровительную гимнастику. Я им говорю, что мне восемьдесят два, а они говорят, что возраст не противопоказание для выполнения плана.

Директор разрешила беседу в зимнем саду. На столике между двумя фикусами лежал журнал отзывов. Лебедев перевернул его обложкой вниз.

— Вы добровольно сюда приехали? — спросил сторож.

— Мне предложили бесплатную путёвку. Сказали, что отказаться можно после прохождения процедуры оформления отказа. Процедура занимала пять рабочих дней, а машина уже ждала.

— Кто предложил?

— Помощник Аркадия Петровича. Я его помню ещё мальчишкой. Аркадия, не помощника. У мальчишки была замечательная способность находить чужие ошибки. Свои он тогда ещё не научился прятать.

Лебедев развернул газету. Между страницами была спрятана тонкая тетрадь в клетку.

— Это мои записи о передаче архива. Оригинал протокола я не забирал. Но я присутствовал, когда его читали на городском совете.

— Что в нём такого страшного?

— Пункт о прекращении полномочий временных комиссий. Выполнила комиссия задачу, ради которой её создали, — обязана прекратить работу. Представляете, сколько людей пришлось бы заново трудоустраивать? А главное — кто бы тогда проверял, правильно ли они трудоустроены?

— Представляю. У меня на кладбище штат маленький.

— Не только. В протоколе сказано, что гражданин вправе потребовать объяснить необходимость любого ограничения, введённого городскими органами. И объяснение должно

касаться самого ограничения, а не права органа вводить ограничения. Разница, как видите, небольшая. Для чиновника — непреодолимая.

Семён Ильич перестал листать тетрадь.

— И этот документ действующий?

— Вот это и надо выяснить. Его не отменяли на моей памяти. Но позже появилась новая опись. В ней протокола уже не было.

— Вы готовы рассказать об этом суду?

Лебедев посмотрел на стеклянную дверь. За ней директор разговаривала по телефону.

— Готов. Только пусть суд пришлёт повестку домой. Здесь у меня даже газеты сначала проходят через отдел организации досуга.

Семён Ильич записал его согласие и попросил разрешения снять копии с тетради. Лебедев разрешил, но оригинал оставил себе.

— У меня память хорошая, — объяснил он. — Просто в нашем городе бумаге доверяют больше, чем человеку. Правда, только до тех пор, пока не прочитают, что на ней написано.

На выходе администратор попросил посетителя оценить качество обслуживания.

— Пять баллов, — ответил Семён Ильич.

Молодой человек обрадовался.

— Из десяти, — добавил сторож.

На улице его догнал Лебедев. Старик успел переодеться, но тапочки оставил прежние. В одной руке он держал чемодан, в другой — свою свободу, которую, по-видимому, решил больше не выпускать.

— Они сказали, что сегодня выписать меня не могут. Врач уже ушёл. Видимо, без него даже дверь не вправе открыть.

— А вы больны?

— До приезда сюда — нет. Здесь, кажется, диагноз входит в стоимость путёвки.

Семён Ильич вызвал машину. Директор появилась на крыльце с папкой, однако требовать возвращения отдыхающего при свидетелях не решилась. Она только крикнула, что неиспользованные процедуры будут аннулированы.

— Вот и первая комиссия, которую мы ликвидировали без заседания, — сказал Лебедев, усаживаясь на заднее сиденье.

Когда машина отъехала, Семён Ильич получил сообщение от Веры Павловны. В архиве назначили внеплановую проверку. До её окончания выдача документов была приостановлена.

Он показал экран Лебедеву.

— Быстро работают ваши бывшие коллеги.

— Когда нужно ничего не выдать, они вообще работают без выходных.

Сторож убрал телефон. Теперь у защиты был свидетель, но не было документа, на который тот ссылался. И кто-то в городской администрации явно рассчитывал, что именно в таком виде дело дойдёт до суда.

На следующее утро Егор обнаружил на воротах кладбища объявление: доступ к объекту муниципального наследия временно ограничен. Ниже был указан телефон для справок. Егор позвонил и спросил, распространяется ли ограничение на похороны.

— В каждом случае вопрос решается индивидуально, — ответили ему.

— А покойника на согласование привозить?

Ему предложили направить письменный запрос. Егор повесил трубку и открыл ворота. В половине десятого ожидали похоронную процессию. Покойный, судя по возрасту, и без того достаточно долго ждал своей очереди.

Семён Ильич приехал в суд с тремя ходатайствами: вызвать Лебедева, истребовать архивный протокол и предоставить полный текст обвинения. В канцелярии его встретила знакомая

девушка. Она ела бутерброд и потому, как выяснилось, могла одновременно заниматься только двумя документами.

— У вас три ходатайства, а дело одно.

— Я могу подать ещё одно, чтобы их стало четыре. Вам будет удобнее делить пополам.

Девушка поставила штамп на копиях. На третьей штамп получился вверх ногами. Она хотела перепечатать лист, но Семён Ильич заверил её, что в суде ему приходилось видеть и более серьёзные перевороты.

Круглов ждал у окна с новой папкой. Она была заметно толще предыдущей, хотя обвинение пока не стало ни яснее, ни убедительнее.

— У нас заключение специалиста, — сообщил прокурор.

— По двери?

— По личности обвиняемого.

Семён Ильич протянул руку. Заключение составил заведующий лабораторией нормативного поведения. Специалисту поставили вопрос о склонности Здравого Смысла к повторному совершению инкриминируемых действий.

— Его обследовали?

— Изучили материалы дела.

— А самого человека видели?

— Для исследования документов это необязательно.

В заключении говорилось, что обвиняемый предпочитает практический результат соблюдению промежуточных процедур. Специалист счёл эту особенность устойчивой и, судя по объёму документа, крайне опасной.

— Выходит, если он перестанет быть Здравым Смыслом, его отпустят?

— Не передёргивайте. Речь о риске продолжения противоправной деятельности.

— Я бы тоже опасался продолжения деятельности вашего специалиста. Но пока ограничусь просьбой не подпускать его к людям и документам.

Круглов спрятал заключение. В коридоре появилась женщина с хозяйственной сумкой, похожей на сумку Анны Степановны. На ручке болтался пропуск на заседание.

— Вы на заседание? — спросил он.

— Вызвали свидетелем. Я из поликлиники. Помните дверь?

Женщину звали Антонина Матвеевна. Она заведовала хозяйством поликлиники и сама составила акт о неисправности двери. После ремонта начальство потребовало новый акт — теперь о последствиях самовольного вмешательства.

— Я написала, что последствия положительные. Вернули. Сказали, последствия должны соответствовать обстоятельствам дела.

— И что вы сделали?

— Написала, что дверь открывается в обе стороны. Пусть сами решают, какая сторона отрицательная.

Секретарь пригласила всех в зал. Судья начала с выяснения личности свидетеля. Антонина Матвеевна назвала должность и стаж работы.

— С обвиняемым знакомы?

— Со среды. До этого тоже встречались, но я не знала, что он подлежит уголовной ответственности.

Прокурор спросил, имелось ли у обвиняемого разрешение на ремонт.

— Нет.

— То есть он действовал самовольно?

— Он попросил у меня отвёртку. Я дала. Разве для этого требуется отдельное разрешение?

— Вы уполномочены выдавать разрешения на ремонт?

— Я уполномочена выдавать отвёртки. Их у меня четыре, и все учтены.

Судья попросила отвечать по существу. Антонина Матвеевна достала из сумки длинный рулон бумаги — журнал заявок на хозяйственное обслуживание за последние полгода.

— Вот двадцать три заявки на эту дверь. В последний раз врач принимал больных в коридоре. Одного больного пришлось осматривать за ширмой возле автомата с кофе. Автомат, кстати, работал исправно. На него жалоб не было.

Защитник заявил ходатайство о приобщении журнала к делу. Круглов возразил: документ характеризует состояние двери до вмешательства обвиняемого, тогда как обвинение касается последствий его действий.

— Тогда предлагаю исключить и первоначальный акт о неисправности, — сказал защитник. — Иначе получится, что человек подошёл к исправной двери и сделал её исправной. Боюсь, вашему специалисту будет трудно объяснить, где здесь состав преступления.

Судья приобщила журнал.

— Скажите, Антонина Матвеевна, после вмешательства обвиняемого поликлиника понесла расходы?

— Купили отвёртку.

Круглов оживился.

— На какую сумму?

— Нисколько. Старую нашли в кабинете главного врача. Новую не купили.

— Зачем же вы сказали, что купили?

— Потому что сначала собирались. У нас обычно с этого и начинается отчёт о выполненной работе.

Кто-то на задней скамье фыркнул. Маргарита Львовна постучала ручкой по столу и отвернулась к окну.

После допроса Семён Ильич вновь заявил ходатайство о вызове Лебедева. Круглов неожиданно не возражал, но попросил приобщить справку из пансионата: свидетель самовольно прервал курс оздоровительных мероприятий.

— Каким образом это влияет на достоверность показаний? — спросила судья.

— Характеризует отношение к установленному порядку.

— Тогда приобщите ещё мою школьную характеристику, — предложил Семён Ильич. — В пятом классе я отказался дежурить по столовой. Возможно, с тех пор и пошло.

Судья отказала прокурору в приобщении справки и назначила вызов Лебедева. Затем она взяла ходатайство об архивном протоколе. Круглов поднялся.

— По этому вопросу поступило отдельное сообщение из администрации города.

В сообщении утверждалось, что протокол не числится в действующем реестре, а потому предоставление его суду невозможно.

— Не числится или не существует? — спросил Семён Ильич.

— Не числится.

— У меня дома чайник не числится ни в одном реестре. Однако каждое утро кипятит воду.

Судья дочитала письмо до подписи и попросила секретаря принести чистый бланк судебного запроса. Она намеревалась обратиться непосредственно в архив.

Круглов наклонился к защитнику.

— Вы понимаете, что этот вопрос выходит далеко за пределы дела о двери?

— Наконец вы начали читать собственное обвинение.

В перерыве Антонина Матвеевна подошла к Здравому Смыслу и пожала ему руку.

— Вы не переживайте, — сказала она. — Дверь у нас работает. Я каждое утро проверяю.

— А зачем?

— Боюсь, что сломают обратно. Вчера подрядчик приходил с рулеткой.

Семён Ильич попросил её позвонить, если в поликлинике начнутся работы. Потом вышел на лестницу и набрал номер Веры Павловны.

— Суд запросит протокол, — сообщил он.

— Тогда пусть запросит ещё журнал выдачи дел за прошлую среду. Сегодня проверяющие потребовали его уничтожить как утративший практическую ценность.

— Уничтожили?

— Пока нет. Я потребовала акт об утрате практической ценности. Они пошли выяснять, кто вправе его подписать.

— Продержитесь до вечера.

— Постараюсь. У нас в архиве есть замечательное преимущество перед другими учреждениями: мы знаем, где лежат старые инструкции. Проверяющие пока не знают, сколько их у нас.

Семён Ильич вернулся в зал и попросил дополнить судебный запрос: истребовать не только протокол, но и журнал выдачи архивных дел. Круглов прочитал добавленную строку. Возражений не последовало.

В архиве Семён Ильич застал троих мужчин возле тележки с макулатурой. Один держал печать, второй — папку, а третий, судя по выражению лица, отвечал за то, чтобы первые двое не задавали лишних вопросов.

Вера Павловна сидела за столом и ела творог. Перед ней лежало распоряжение о проведении внеплановой расчистки архивных фондов.

— Вы вовремя, — сказала она. — Освобождают площади. И начали почему-то с документов, которые вчера понадобились суду.

Старший из мужчин представился начальником управления оптимизации муниципальных ресурсов Савелием Борисовичем Бочкарёвым.

— Не вижу оснований для вмешательства посторонних.

— Я защитник по уголовному делу. Вот судебный запрос.

Бочкарёв внимательно прочитал бумагу и вернул её.

— Запрос адресован архиву. Мы представляем управление.

— А тележка чья?

— Архива.

— Полагаю, она тоже не уполномочена уничтожать судебные доказательства.

Мужчина с печатью отступил от тележки. За заверение бумаг ему платили исправно, а за участие в исторических событиях — нет.

Вера Павловна закрыла баночку с творогом и достала журнал.

— Вот то, что вы просили. Только сначала распишитесь за ознакомление.

— Не выдавать! — распорядился Бочкарёв.

— Я и не выдаю. Он читает у меня на столе.

— Запрещаю читать.

— Вслух или про себя?

Бочкарёв потребовал позвонить директору архива. Директор оказался на совещании по вопросу повышения доступности архивных материалов.

Семён Ильич открыл журнал. В среду в десять утра дело с протоколом получил Здравый Смысл. В одиннадцать он вернул его. Следующая запись появилась в четырнадцать часов: получателем значился сотрудник аппарата Веретенникова. Графа возврата оставалась пустой.

— Кто расписался здесь?

Вера Павловна надела очки.

— Борисов. Помощник председателя. Приходил с доверенностью.

— Доверенность сохранилась?

— Конечно. Мы храним доверенности пять лет. Даже когда доверять уже некому.

Бочкарёв шагнул к столу, но Семён Ильич накрыл журнал ладонью.

— Не советую. Судья будет очень огорчена, если вместо документа получит объяснение, почему его больше нет.

— Мы действуем на основании утверждённого перечня.

— Покажите.

В перечне значилось сорок семь позиций. Журнал стоял последним. Первые сорок шесть строк были напечатаны одним шрифтом, а последняя выглядела так, будто её добавили уже после утверждения перечня.

— Кто составил перечень?

— Рабочая группа.

— Фамилии?

— Состав рабочей группы утверждается отдельным распоряжением.

— Давайте распоряжение.

Бочкарёв посмотрел на своих спутников. Ни один не проявил желания войти в состав рабочей группы задним числом.

Вера Павловна принесла копировальную бумагу. Аппарат в соседней комнате не работал: закончился тонер. Заявку на новый отклонили в связи с переходом учреждения на электронный документооборот.

— Электронный архив у вас есть? — спросил Семён Ильич.

— Есть компьютер, на котором написано, что электронный архив существует.

Они составили акт осмотра журнала. Бочкарёв отказался его подписывать, сославшись на отсутствие полномочий. Семён Ильич зафиксировал отказ. Тогда Бочкарёв потребовал убрать эту запись: согласия на фиксацию собственного отказа он не давал.

— Савелий Борисович, вы удивительный человек. Вам бы в нотариусы. Вы даже собственное молчание хотите удостоверять лично.

В коридоре зазвонил телефон. Мужчина с папкой вышел ответить и вскоре вернулся с новостью: расчистку надлежало приостановить до особого указания.

— А тележку куда? — спросил он.

— На место, — буркнул начальник.

— Она уже на месте. Мы её здесь взяли.

Бочкарёв ушёл, не попрощавшись. Его спутники поспешили следом, но один через минуту вернулся за печатью. Видимо, даже в спешке нельзя оставлять без присмотра главный инструмент управления.

Вера Павловна заперла дверь.

— Есть ещё кое-что. Борисов приходил не один. С ним была женщина из юридического отдела. Она попросила книгу регистрации решений городского собрания за тот же год.

— Получила?

— Нет. Книга давно передана в музей. Там выставка к юбилею города.

— И что же она сказала?

— Спросила, нельзя ли снять книгу с выставки на время торжеств. Якобы портит историческую концепцию.

Семён Ильич записал название музея. Затем позвонил Егору и попросил встретить его у сторожки.

— У нас гости, — сообщил садовник. — Двое из управления имущества. Хотят измерить подвал.

— Не пускай без документов.

— Я не пускаю. Они принесли план здания, на котором нашей сторожки вообще нет. Предложил им сначала найти здание на плане. Сидят на скамейке, ищут.

Семён Ильич убрал телефон. Теперь ему предстояло одновременно защищать обвиняемого, архив и собственное рабочее место. За последнее, в отличие от первых двух, ему хотя бы платили.

Перед уходом Вера Павловна протянула ему конверт с заверенной выпиской из журнала и копией доверенности.

— Берегите. Оригиналы я передам суду лично.

На улице он раскрыл конверт. Доверенность была выдана Борисову за два дня до того, как Здравый Смысл обнаружил протокол. В ней уже значился точный номер архивного дела.

Семён Ильич перечитал дату. Значит, протокол разыскивали ещё до того, как Здравый Смысл успел совершить то, что следствие теперь называло его последним преступлением.

Он направился к музею. До закрытия оставалось сорок минут.

У входа в музей Семён Ильич купил билет. Кассирша предупредила, что после экскурсии задавать вопросы экскурсоводу запрещено.

— А во время экскурсии?

— Если вопрос предусмотрен тематикой.

— Какая сегодня тематика?

— История городского самоуправления.

— Прекрасно. Меня интересует, когда оно перестало управлять собой.

Кассирша предложила приобрести путеводитель.

В юбилейном зале стоял макет старого Непререкаемска. Над миниатюрной ратушей возвышалась табличка: «Триста лет служения горожанам». За триста лет, подумал Семён Ильич, можно было хотя бы спросить горожан, довольны ли они обслуживанием.

Возле стеклянной витрины экскурсовод рассказывала школьникам о выдающихся градоначальниках. Один мальчик спросил, почему на портретах у всех одинаковое выражение лица.

— Это торжественность исторического момента.

— А у нашего директора такое лицо, когда он узнаёт, что приехала проверка.

Учительница поспешила увести мальчика к экспозиции старинных утюгов.

В витрине лежала регистрационная книга, раскрытая на перечне расходов на строительство водопровода. Семён Ильич дождался, пока школьники отойдут, и попросил пригласить хранителя.

Хранитель, Леонид Матвеевич, оказался пожилым человеком в шерстяной жилетке. Он принёс ключи от витрины, но открывать её не спешил.

— Вы из администрации?

— Из адвокатуры.

— Слава богу. Вчера приходили из администрации. Хотели забрать экспонат на реставрацию.

— Что с ним случилось?

— Ничего. Именно это меня и беспокоит. У нас впервые хотят реставрировать целую вещь. Обычно ждут, пока развалится.

Семён Ильич показал удостоверение и объяснил, что ищет запись о решении городского собрания, упомянутом в исчезнувшем протоколе.

Хранитель повёл его в служебную комнату. Там стояли чайник, шкаф с карточками и бронзовый бюст неизвестного чиновника, которому кто-то повесил на шею запасные очки.

— Книга старая. Листать без перчаток нельзя. Но мы её фотографировали для каталога.

Леонид Матвеевич включил компьютер. На экране возникло уведомление о необходимости обновить программу.

— Не трогайте, — предупредил он. — В прошлый раз обновили, и у нас исчез весь девятнадцатый век. Восстанавливали до Нового года.

Он открыл папку с фотографиями. Семён Ильич продиктовал номер дела из доверенности Борисова. Хранитель нашёл соответствующий год и стал перелистывать изображения.

Запись нашлась ближе к концу книги. Городское собрание утвердило положение о чрезвычайных полномочиях временной комиссии. Ниже оговаривалось, когда эти полномочия прекращаются, но конец строки скрывался в сгибе переплёта.

— Можно посмотреть оригинал?

— Можно. Только не сегодня. У нас приказ: в присутствии двух сотрудников. Второй сотрудник ушёл на курсы повышения квалификации по организации работы в отсутствие второго сотрудника.

— Распечатайте мне фотографию, пожалуйста.

Пока принтер нагревался, в дверь постучали. Вошла женщина в тёмном пальто, положила на стол служебное удостоверение и представилась начальником юридического отдела администрации Ириной Львовной Мерцаловой.

— Леонид Матвеевич, мы договаривались о передаче книги.

— Вы говорили о реставрации.

— Цель передачи уточнена.

— Отложите реставрацию. Книга может понадобиться суду, — вмешался Семён Ильич.

Мерцалова повернулась к нему.

— На каком основании вы знакомитесь с музейным фондом?

— Пока что на основании билета. Вот, двести рублей. Или для адвокатов у вас отдельный тариф?

— Речь идёт о сведениях ограниченного распространения.

Хранитель снял очки.

— Мы эту страницу школьникам показываем уже лет пятнадцать.

— Значит, допущено систематическое нарушение.

— Тогда предупредите школу. У них завтра контрольная. Дети ещё не знают, что выучили государственную тайну.

Мерцалова потребовала прекратить печать. Принтер успел выпустить лист раньше, чем хранитель дотянулся до кнопки.

Семён Ильич убрал его в папку.

— Ирина Львовна, скажите, пожалуйста, каким решением ограничено распространение этих сведений?

— Соответствующим.

— Номер?

— Вам направят ответ.

— Срок?

— Установленный.

— Вы, случайно, не составляли нашу повестку?

Женщина не ответила. Она попросила хранителя выйти и, когда дверь закрылась, села напротив защитника.

— Вы ведь понимаете, что речь не о двух винтах в поликлинике?

— Начинаю догадываться. Винты, по крайней мере, никто не засекретил.

— Ваш подзащитный может выйти на свободу. Для этого ему достаточно отказаться от претензий к администрации.

— Претензий у него нет. Пока что обвинение предъявлено ему, а не администрации.

— Не цепляйтесь к словам.

— Простите, профессиональное заболевание.

Мерцалова достала из сумки лист с проектом заявления. В нём Здравый Смысл подтверждал, что ознакомился с архивным документом ошибочно, не располагает его копиями и не намерен ссылаться на его содержание.

Семён Ильич прочёл заявление дважды.

— А где обещание прекратить дело?

— Это будет решено в рабочем порядке.

— То есть от него требуется подпись, а от вас — хорошее настроение?

Он вернул лист.

Мерцалова встала и поправила воротник. Голос её заметно изменился:

— Вы не представляете, сколько людей останутся без работы, если этот документ получит юридическую силу.

— А сейчас он её не имеет?

Она поняла, что сказала лишнее, и ушла.

Леонид Матвеевич вернулся с двумя чашками чая. Семён Ильич попросил его вспомнить, кто заказывал фотографии книги прежде.

— Был один исследователь. Лет десять назад. Фамилию не помню, но сохранился заказ на копирование. Он потом прислал нам свою статью. Её не напечатали.

— Почему?

— Редактор сказал, что выводы автора преждевременны. Хотя исследователь писал о событиях столетней давности.

Хранитель выдвинул ящик стола и нашёл потрёпанную папку с перепиской. В заказе стояла подпись: Аркадий Петрович Веретенников.

Семён Ильич отложил чашку. Выходит, председатель комиссии знал о документе ещё десять лет назад.

— Статья осталась у вас?

— Нет. Автор забрал рукопись. Но я помню название. «О сроках действия временных органов городского управления».

По громкой связи объявили о закрытии музея. Хранитель записал номер телефона защитника и обещал утром организовать осмотр оригинала.

На выходе Семён Ильич снова встретил школьника, которого учительница увела к утюгам. Мальчик ждал маму и рассматривал портреты градоначальников.

— Дяденька, а почему временная комиссия работает уже сто лет?

— Откуда ты знаешь?

— Там на стенде написано, когда её создали. А папа у меня в ней работает.

Семён Ильич вернулся к стенду. Под фотографией первого председателя комиссии стояла дата её учреждения. Рядом помещался современный снимок Веретенникова с юбилейной медалью.

Защитник сфотографировал обе подписи. Если Веретенников когда-то сам исследовал сроки полномочий комиссии, он должен был знать и условие их прекращения. Оставалось прочесть скрытый переплётом конец строки.

Глава третья. Временно, но навечно

Утром Егор застал Семёна Ильича на крыльце с городским бюджетом и калькулятором. Яичница на тарелке давно остыла.

— Нас закрывают? — спросил садовник.

— Пока нет. Изучаю, как другие умудряются не закрываться.

Временная комиссия занимала четыре этажа административного здания, имела собственный гараж и ежегодно получала деньги на подготовку к завершению своей деятельности. За десять лет эта подготовка обошлась городу дороже строительства новой школы.

— У нас бы так могилы копали, — сказал Егор. — Получил заказ, десять лет готовишься. Родственники уже сами лопатами обзавелись, а ты ещё на подготовительном этапе.

Зазвонил телефон. Леонид Матвеевич сообщил, что второй сотрудник музея вернулся с курсов, но теперь отсутствует первый.

— А вы кто?

— Первый. Я у зубного врача. Приезжайте через час. Захватите паспорт, судебный запрос и, если нетрудно, хлеба. У нас буфет закрыли на инвентаризацию булочек.

Через полтора часа Семён Ильич стоял над раскрытой книгой городского собрания. Хранитель осторожно расправил загнувшийся край листа. Открылись четыре слова, ради которых, похоже, и затевалась вся история: «до восстановления постоянного управления».

— И когда его восстановили? — спросил защитник.

Леонид Матвеевич вынул из шкафа другой том.

— Через одиннадцать месяцев. Вот решение об избрании городского совета.

— А комиссия?

— Судя по ведомостям жалованья, пережила это событие без особых потрясений.

Семён Ильич заказал заверенные копии обеих записей. Хранитель принёс печать, долго искал подушечку и наконец обнаружил её в коробке с надписью «Предметы неизвестного назначения».

В администрации защитника встретил человек с бейджем «Специалист по сопровождению посетителей». Он проводил Семёна Ильича до турникета и остановился: дальше сопровождение не предусмотрено.

— Мне нужен председатель временной комиссии.

— По записи.

— Запишите.

— Запись ведётся у председателя.

— Тогда сопровождайте.

Специалист задумался, позвонил секретарю и через несколько минут пропустил Семёна Ильича на четвёртый этаж.

Веретенников принимал делегацию из соседнего города. На столе лежали сувенирные ежедневники с надписью «Сто лет на страже временных решений». Гости интересовались опытом комиссии по оптимизации расходов.

— Мы сократили число заседаний на двенадцать процентов, — рассказывал председатель.

— А расходы?

— На сокращение заседаний потребовались дополнительные средства.

Увидев защитника, Веретенников предложил гостям осмотреть комнату для переговоров. Последним вышел мужчина, прихвативший три ежедневника. Видимо, уже приступил к оптимизации расходов собственной канцелярии.

— Чем обязан?

Семён Ильич положил на стол две музейные копии.

— Пришёл поздравить вас с окончанием полномочий. Опоздал примерно на столетие.

Председатель прочитал первую запись, вторую читать не стал.

— Исторические документы нельзя толковать в отрыве от современной практики.

— Согласен. Но практика получения жалованья не продлевает срок полномочий.

— Комиссия неоднократно реорганизовывалась.

— Покажите решение о её создании после восстановления городского совета.

Веретенников нажал кнопку на телефоне и попросил пригласить Мерцалову. Та пришла с толстой папкой и сразу раскрыла её на нужной странице.

— В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году утверждена новая структура комиссии.

— Структура чего?

— Комиссии.

— Которую к тому времени уже следовало распустить.

— Но её не распустили.

— У меня на кладбище есть несколько человек, которых тоже забыли снять с воинского учёта. Мы же не отправляем их на сборы.

Мерцалова закрыла папку.

— Вы ставите под сомнение законность тысяч решений.

— Пока только одного: решения, на основании которого преследуют моего подзащитного.

Веретенников подошёл к шкафу, достал бутылку минеральной воды и налил себе стакан. Гостю воды не предложил.

— Допустим, вы правы. Что будет с городом? Кто выдаст разрешения, согласует ремонт, утвердит маршруты?

— Постоянные органы управления. Они для этого и существуют.

— Вы их видели?

— Пока только в бюджете. Там они прекрасно себя чувствуют.

Председатель сел. На этот раз он говорил без привычных канцелярских оборотов.

— Десять лет назад я сам хотел ликвидировать комиссию. Написал статью. Даже составил проект решения. Мне предложили возглавить комиссию и провести ликвидацию изнутри.

— И как успехи?

— Сначала пришлось создать рабочую группу. Потом выяснилось, что при ликвидации некому будет принимать отчёт о ликвидации. Мы учредили наблюдательный совет.

— А потом вы получили юбилейную медаль?

Веретенников посмотрел на стену, где висела фотография торжественного вручения.

— Вы не понимаете, как это устроено.

— Именно поэтому я и пришёл с документами, а не с поздравительной открыткой.

Мерцалова вмешалась: по её мнению, без заключения историко-правовой экспертизы музейные записи не доказывали прекращения полномочий комиссии.

— Кто назначает экспертизу? — спросил Семён Ильич.

— В данном случае комиссия.

— И как сформулируете вопрос эксперту? «Законно ли существует организация, которая оплачивает ваше заключение?»

В коридоре раздался звонок. Секретарь заглянула в кабинет и напомнила председателю о заседании рабочей группы по сокращению рабочих групп.

Веретенников попросил перенести заседание. Секретарь уточнила, нужно ли созывать совещание для согласования переноса.

— Просто перенесите, Людмила!

Секретарь поджала губы и вышла. За всю неделю председатель впервые распорядился что-то сделать без совещания.

Семён Ильич собрал бумаги. У двери Мерцалова негромко сказала:

— Вы ещё не видели приложение к историческому протоколу.

— А вы видели?

— Спросите своего подзащитного, почему он искал именно его.

На улице защитник позвонил в канцелярию суда и договорился о свидании с подзащитным. Не успел он убрать телефон, как пришло сообщение от Егора: «Приезжайте. У нас тут проверяют, законно ли кладбище расположено на территории кладбища».

Семён Ильич поймал такси. Музейные копии он решил пока держать при себе: оставлять их в сторожке, куда нагрянули проверяющие, было бы неосмотрительно.

У калитки стоял белый микроавтобус с надписью «Муниципальный контроль». Егор ел грушу, устроившись на перевёрнутом ведре. Рядом женщина в резиновых сапогах боролась с большой кадастровой картой.

— Вы хозяин? — спросила она у Семёна Ильича.

— Здесь хозяев много. Я сторож.

— Нам необходимо установить фактическое использование земельного участка.

— Посмотрите налево. Теперь направо. Установили?

Женщина представилась инспектором Лидией Степановной и показала распоряжение о внеплановой проверке. Её долговязый помощник уже измерял расстояние от ограды до ближайшего надгробия.

— Поступила информация о размещении объектов, не предусмотренных разрешённым видом использования земли.

— Каких объектов?

— Захоронений.

Егор подавился грушей.

Семён Ильич попросил выписку из реестра. Участок предназначался для размещения объектов ритуального обслуживания. По мнению инспектора, обслуживание и захоронение относились к разным видам деятельности.

— А если покойник обслуживает себя самостоятельно? — поинтересовался Егор.

— Не вмешивайтесь, пожалуйста.

— Я бы и рад. Только лопата моя у вас под ногами.

Лидия Степановна отступила. Тем временем помощник обнаружил, что кладбищенская ограда на полтора метра длиннее, чем указано в паспорте объекта.

— Самовольное расширение территории, — объявил он.

— Это калитка открыта, — сказал Егор.

Парень закрыл калитку, повторил измерение и с огорчением убрал рулетку.

Семён Ильич прочёл распоряжение до конца. Проверку назначили по обращению комиссии Веретенникова. Особое внимание предписывалось уделить хозяйственным помещениям и наличию в них имущества, не связанного с погребальной деятельностью.

— Чайник будем изымать? — спросил он.

— Зачем?

— Покойники чай не пьют. Нецелевое использование.

Инспектор устало сняла очки.

— Послушайте, у меня ещё три объекта до вечера. Давайте осмотрим сторожку, составим акт и разойдёмся.

— С удовольствием. Только давайте уточним ваши полномочия. Осмотр земельного участка и обыск личных вещей — разные мероприятия.

Помощник вынул из сумки фонарик.

— А подвальное помещение?

— Откуда вам известно о подвальном помещении?

Парень посмотрел на начальницу. Та принялась складывать карту.

— В распоряжении указано.

— В моём экземпляре не указано. Покажите ваш.

Лидия Степановна протянула ему приложение к распоряжению. В перечне объектов осмотра действительно значилось подземное помещение. Указали даже его площадь. Сам Семён Ильич её не знал.

— Любопытно. Кто составлял перечень?

— Не мы. Нам прислали готовый.

— Тогда передайте составителю, что он забыл указать, на какой полке искать документы.

Инспектор посмотрела на него внимательнее.

— Какие документы?

— Вот и мне интересно.

В сторожке Егор открыл шкаф с перчатками, запасными лампочками и банкой пуговиц. Помощник с деловым видом сфотографировал банку.

— Для чего это?

— Фиксация имущества.

— Запишите: пуговицы, бывшие в употреблении. Одна принадлежала покойному пальто.

Лидия Степановна велела помощнику оставить пуговицы в покое. Осмотрев сторожку, она попросила книгу учёта захоронений.

Семён Ильич достал книгу. Инспектор долго листала её, пока не остановилась на записи, сделанной ещё прежним сторожем.

— А это что за фамилия? Не могу разобрать.

Егор заглянул через плечо.

— Это не фамилия. Там написано: «Без таблички».

— Как же вы идентифицируете объект?

— По соседям. Здесь с соседями отношения прекрасные. Никто не жалуется.

У инспектора зазвонил телефон. Она вышла на крыльцо, оставив дверь приоткрытой.

— Нет, не обнаружили… Нет, основания для изъятия отсутствуют… Я не могу написать, что обнаружила, если не обнаружила.

Вернувшись, инспектор молча убрала телефон в сумку.

— Подпишите акт, пожалуйста. С замечаниями, если есть.

Семён Ильич прочёл акт. В графе «Выявленные нарушения» стоял прочерк. В графе «Предложения по устранению» помощник написал: «Устранить выявленные нарушения».

— Молодой человек, а если нарушений нет, что именно вы предлагаете устранить? Прочерк?

Инспектор забрала акт и зачеркнула последнюю фразу. Помощник покраснел.

У микроавтобуса Лидия Степановна задержалась.

— Вам совет. Не оставляйте здесь ничего ценного. Сегодня приехали мы, завтра могут приехать люди, которые не станут спрашивать разрешения.

— Спасибо. А кто вам звонил?

— Не по нашей линии. Из аппарата комиссии.

Когда микроавтобус скрылся за поворотом, Егор достал из кармана конверт.

— Пока вы ездили, приходила женщина. Просила передать лично вам.

— Представилась?

— Сказала, что родственница вашего арестанта. Я спросил, кого хоронить. Она сказала: пока никого, если вы поторопитесь.

В конверте лежала карточка с адресом и временем встречи. На обороте аккуратным почерком вывели: «Приложение к протоколу никогда не хранилось в архиве. Не ищите его там».

Вместо фамилии — одно слово: Рассудительность.

Семён Ильич посмотрел на часы. До встречи оставалось сорок минут.

— Егор, если опять приедут проверять землю, попроси их сначала определить, кому принадлежит небо над кладбищем.

— А если определят?

— Тогда пусть предъявят документы на облака.

Егор запер за ним калитку изнутри.

Адрес привёл Семёна Ильича в небольшое кафе напротив городского управления финансов. Кафе называлось «Остаток». На витрине лежало одно пирожное. Бухгалтерия, судя по всему, сходилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.